

Тема номера:

«СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА»

УДК 316.4+338.1

DOI 10.12737/18146

Социальные риски кризисов транзитивного развития: методологический социологический дискурс

Силласте Галина Георгиевна

Д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации, Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: galinasillaste@yandex.ru

В статье рассматривается проблема сопряженных с экономической неустойчивостью социальных рисков. Автор обращается к ряду вопросов теоретико-методологического характера, таких как специфика транзитивной экономики, особенности социальных конфликтов и кризисов, сущность социальных рисков, их виды, специфика и типологические особенности, применение диагностики для измерения степени распространенности социальных рисков в социуме. Автор исследует социальные риски, анализируя концепции модусов социального времени и конфликтогенеза, особенности и отличие санкционного кризиса от финансово-экономических кризисов предыдущих этапов развития российской экономики. В статье приводятся эмпирические данные измерения глубины распространенности социальных рисков в российском обществе накануне введения Европейским Союзом антироссийского санкционного режима, дается развернутая характеристика риска невротизации населения. Статья написана на основе социологического исследования «Социальные риски финансово-экономических кризисов в российском обществе» (выполненного по Государственному заданию, №574п-П17, 2013, руководитель проекта – Заслуженный деятель науки РФ, профессор Г. Силласте).

Ключевые слова: транзитивность, риск социальный, финансовый кризис, экономический кризис, социальный кризис, социологическая диагностика, минимизация рисков, социальный риск невротизации, эконоцид.

The Social Risks of the Transitive Development Crises: Methodological Sociological Discourse

Galina G. Sillaste

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

e-mail: galinasillaste@yandex.ru

The article explores the problem of the social risks related with the economical instability. The author treats the whole range of the theoretical and methodological issues such as specific character of the transitive economics, the features of the social conflicts and crises, the nature of the social risks, their kinds and typological characteristics, diagnostic application to the social risks in the society for the measuring of their prevalence. The author researches the social risks, analyzing the modes of conceptions of the social time

and genesis of the conflicts, the features of and differences between the sanctions crisis and the financial and economical crises on the previous stages of development in the Russian economics. The article provides empirical evidence of the depth measurement of the social risks prevalence in the Russian society before the introduction of the antirussian sanctions by EU, it provides detailed description of the neuroticism risk. The article is written on the basis of the sociological research "Social Risks of the Financial and Economical Crises in the Russian Society (Government assignment No. 574п-П17, 2013. Project Manager – Honoured Science Worker of Russian Federation, Prof. G. Sillaste).

Keywords: transitivity, social risk, financial crisis, economic crisis, social crisis, sociological diagnostics, minimizing risk, social risk of neuroticism, ekonocide.

В статье предпринята попытка систематизировать исследовательские принципы анализа социальных рисков транзитивного развития общества. Сделано это в формате социологических сюжетов.

Сюжет 1. Транзитивное развитие экономики и сопровождающие его риски

Актуализацию в конце XX в. изучения риска и связанных с ним проблем американский социолог Энтони Гидденс объяснял так: «Дело не в том, что жизнь современного человека стала более рискованным предприятием, чем существование его предков, а в том, что и для дилетанта, и для эксперта постоянным и непреложным опытом становится мышление в терминах риска» [1, с. 19]. Чем сложнее социальная система и переменчивее социальные условия ее внутреннего и внешнего развития, тем настойчивее потребность в обращении к категории «риск».

К началу XXI столетия российское общество сформировалось как общество с явно выраженной формой транзитивной экономики. Оно характеризуется высокой степенью изменчивости социальных процессов и явлений, происходящих под воздействием финансовых и экономических кризисов, влияние которых на национальную экономику резко возросло в связи с возвратом России к системе капиталистических отношений. Массовое сознание оказалось не готово к принятию столь кардинальных, отрицательных по содержанию, перемен, требующих резкого усиления рисковости развития самого общества и всех слоев населения.

За время от прошедшего разворота к рыночной экономике страна пережила уже десяток кризисов. Особое место среди них занимают внутренний экономический кризис 1998 г., мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., и новый – *санкционный кризис*, третий год сковывающий рост российской экономики. Закономерны социальные последствия финансово-экономических кризисов: сокращение производства и расширение безработицы; падение жизненного уровня населения и усиление социально-психологического напряжения в обществе, снижение доверия

политическим институтам и финансовым организациям, нарастание социального недовольства.

Тесная связь общественного развития со сложным процессом «накопления» социальных рискообразующих и конфликтогенных факторов, негативных социальных последствий управленческих решений, принимаемых в условиях неопределенности, вызванной финансово-экономическими кризисами, является характерной чертой транзитивной (от лат. *transitivus* – переходный) экономики, развивающейся в России на протяжении уже третьего десятилетия. Состояние изменчивости и неустойчивости, связанное с неоднократной сменой состояния экономики (Россия поменяла экономический и политический курсы трижды на протяжении всего одного столетия (!)), высокой степенью экономической зависимости от процессов в мировой экономике, от мировых кризисов, является типичным для транзитивного развития общества. Такое развитие характеризуется вероятностным характером, неопределенностью протекающих процессов и разносторонними угрозами безопасности личности, общества и государства.

Финансы и деньги, с социологической точки зрения, являются крупными социальными институтами, не только играющими в транзитивном обществе исключительно важную роль, но и оказывающими своего рода ретранслирующее воздействие на жизнь каждого члена общества и государство в целом. Кроме того, для общества высокой степени транзитивности характерно усиление конфликтогенной функции институтов денег и финансов, непосредственно порождающих в обществе социальные конфликты интересов и поведений разных участников рынка и его социально-ролевых групп (вкладчиков и заемщиков, страхователей и налогоплательщиков, производителей и потребителей и т.д.) [2, с. 7]. Такие конфликты сильно осложняются в периоды финансово-экономических кризисов.

Другая особенность транзитивного развития заключается в возникновении разнообразных рисков: экономических и финансовых, банковских и страховых, технологических и промышленных. Однако наиболее устойчивыми и трудно поддающимися

расчету и учету являются **риски социальные**, относящиеся к группе наименее изученных, но долговременно действующих рисков. И в этом контексте нынешнее состояние мировой экономической системы (отчасти и российской) можно определять как «общество всеобщего риска» (термин российского социолога О.Яницкого).

Риск, по сути, означает возможное в будущем качественное или количественное ухудшение состояния какого-либо объекта. Именно ухудшение, ибо при вероятности улучшения используется категория «шанс». В историческом контексте категория «риск» связана с такими категориями как «судьба», «случайность», «необходимость».

Риск социальный можно рассматривать как *возникновение ситуации неопределенности, в основе которой дихотомия действительности и возможности, обуславливающая вероятность наступления неблагоприятного последствия для социальных объектов — участников процесса*. Вероятность наступления неблагоприятного последствия воспринимается социальными объектами через призму определенных социальных ценностей, на основании которых они осуществляют выбор альтернативы действия.

Особенностью социального риска является то, что он затрагивает различные направления социального воспроизводства общественной жизни, их мировоззренческие аспекты, активность субъекта риска и влияние социальных последствий кризисов и конфликтов на жизнедеятельность системы, риск в гуманитарном измерении, социальное управление рисками и социальную защиту, связь риска и форм его преодоления с проблемами морали. При этом важно учитывать социокультурную компоненту социальных рисков в сфере экономики и финансов, так как они обладают непосредственной связью с реформированием экономической культуры и формированием экономического сознания и поведения населения.

Что методологически и теоретически важно учитывать при исследовании социальных рисков? Анализ отечественных и зарубежных исследований позволяет сделать ряд концептуальных выводов, закладываемых в основу социологической диагностики социальных рисков.

Во-первых, их имманентный характер. Социальный риск существует в обществе всегда, но вероятность его возникновения, а также последствия проявления особенно усиливаются в период социальных потрясений и резких социальных изменений, происходящих под влиянием усугубляющихся эконо-

номических и социально-политических противоречий, социальных конфликтов и кризисов.

Во-вторых, множественность, плюралистичность форм и видов социальных рисков, так как практически любая деятельность человека сопряжена с риском и «*свободного от риска поведения не существует*» [3]. Риск всегда связан с ситуациями неопределенности, которые и порождают риски (в том числе, социальные) во всех сферах жизнедеятельности общества.

В-третьих, все социальные риски транзитивного общества, говоря словами английского социолога-исследователя рисков У.Бека, это «*рукотворные риски, созданные людьми*». Людьми, прежде всего, «*из числа управленцев, которые ошибочно, поспешно принимали решения либо неверно оценивали возможности общества*» [4, с. 18].

В-четвертых, социальный риск в условиях финансово-экономических кризисов можно рассматривать как рефлексию рисков транзитивности в таких социальных процессах и явлениях, как безработица, бедность и социальная поляризация, маргинализация, социальная аномия на социальном, региональном и локальном (местном) уровнях.

В-пятых, социальный риск непосредственно связан с опасностью и угрозой. Опасность означает, что в какой-то будущий момент времени может наступить такое событие или так сложатся обстоятельства и изменится ситуация, что состояние общества и положение населения либо резко ухудшатся, либо придут позитивные изменения. Угрозы в обществе всегда связаны с негативными последствиями развития событий или процессов, подрывающими социальную безопасность и угрожающими жизненно важным социальным интересам личности, социальной группы, общества и государства.

В-шестых, типологическая неопределенность социальных рисков. При всей их множественности и разнообразии, единой типологии не выработано. Некоторые исследователи выделяют в современном мире до 500 различных видов рисков. На Всемирном экономическом Форуме в Давосе в 2013 г. эксперты оценили 50 глобальных рисков¹.

Определение интенсивности и устойчивости распространенности социальных рисков является принципиально важной научно-практической и исследовательской задачей. Актуализацию проблемы

¹ Отчет Всемирного Экономического Форума (ВЭФ)-08.01.2013 «Глобальные Риски-2013»; Специальный доклад «Национальная устойчивость перед глобальными рисками» — Давос, 2013.

социальных рисков в научном и практическом контекстах можно рассматривать как ответ на вызов динамично развивающейся социальной реальности.

Какие объекты риска должны подлежать защите в условиях финансово-экономических кризисов? Выделим две базовые группы:

1. Имущественно-материальные и монетарные ценности:

- личные доходы по вкладам; прибыль, получаемая личностью (организацией, собственником, наемным работником), рента и платежи;
- имущество (жилье, земля, здание, личный транспорт), репутация, марки и бренды, интеллектуальная собственность.

2. Социальные, культурные и морально-нравственные ценности, являющиеся атрибутикой образа жизни (предмет социологической диагностики). К ним относятся:

социальные права и жизненно-важные интересы личности, закрепленные в Конституции РФ, теряемые (или сокращающиеся) в результате финансово-экономических кризисов (право на жизнь, работу, оплачиваемый труд, профессию, охрану здоровья, отдых, доступное образование, безопасность).

Сюжет 2. Измеряемы ли социальные риски?

Как социолог, отвечаю на этот вопрос утвердительно. Социальный риск обладает качеством социологической измеряемости и может быть рассчитан с точки зрения выявления социальных последствий и угроз жизненно важным интересам личности, социальных групп и общностей. *Социологически риск измеряется степенью вероятности того, что состояние какого-либо объекта в будущем ухудшится до каких-то определенных параметров.* Эффективным методом количественно-качественного измерения социальных рисков, их распространенности и типологизации, является социологическая диагностика, широко используемая в науке. В чем суть этого метода измерения?

Социологическая диагностика представляет собой комплекс социологических методов изучения состояния предмета и объекта исследования в процессе социальных изменений, позволяющий социологически измерять масштабы социальных последствий управленческих решений, прогнозировать дальнейшее развитие процессов и явлений, разрабатывать меры упреждения и нейтрализации негативных результатов [5, с. 464]. С помощью социологической диагностики можно выявить основные элементы социального риска, совокупность и взаимодействие которых характе-

ризуют его функции; исследовать воздействие объективных и субъективных факторов, обуславливающих возникновение и масштабность распространенности социальных рисков по регионам и сферам жизнедеятельности.

Можно выделить некоторые актуальные направления социологических исследований в области социальной рискологии. Например, обеспечение социальной защищенности, справедливости и достойного уровня жизни социально-уязвимых «групп риска»; снижение негативных последствий социальных риск-факторов в системе образования, здравоохранения, реализации социальной политики государства; решение социально-значимых общественных проблем на основе использования принципов и механизмов социального контроля и партнерства, разработка новых социальных технологий по минимизации социальных рисков.

Социолого-диагностический анализ рисков финансово-экономических кризисов исходит из принципиальной методологической посылки, заключающейся в том, что образование социальных рисков представляет собой развитие логически взаимосвязанных шести стадий: возникновение *кризиса* — развитие *социального конфликта* — влияние и учет их *социальных последствий*, обуславливающих *социальные риски* — перерастающие в *социальные угрозы* — приводящие к снижению уровня *социальной безопасности* — и вызывающие потребность в *социальной адаптации* к условиям неопределенности и вероятности возникновения нового финансово-экономического кризиса.

Для оценки последствий финансово-экономических кризисов и порождаемых ими социальных рисков обратимся к результатам диагностического социологического исследования «Социальные риски финансово-экономических кризисов в российском обществе» (Государственное задание №574п-П17 от Правительства РФ, 2013. Руководитель проекта — Заслуженный деятель науки РФ Г.Г. Силласте). Предмет исследования: социальные риски финансово-экономических кризисов как феномен в жизни общества и в системе принятия управленческих решений. Объект исследования: финансово-экономические кризисы как социальный процесс, порождающий социальные риски. Цель исследования: определение сущности и типологии социальных рисков; последствий их проявления при развитии финансово-экономических кризисов, социологических показателей измерения и степени распространенности в российском обществе.

Исследование проведено методом раздаточного анкетирования по месту работы, частично — месту жительства респондентов, на основе районированной выборки, стратифицированной по методу квот. Объем выборки составил 950 респондентов (100 из которых — «эксперты риска»). Территориально в выборку вошли десять городов шести субъектов Российской Федерации. По масштабам это города четырех уровней: столичные мегаполисы (35%), крупные (19,1%), средние (22,3%) и малые (14,9%) города.

По своему социальному портрету респонденты — это горожане; преимущественно представители интеллигенции (технической, гуманитарной, экономической, военной); по социально-классовой основе — люди среднего класса, средне и хорошо обеспеченные; активного трудоспособного возраста, работающие в широком диапазоне трудовой занятости в сфере экономики и финансов; квалифицированные работники, имеющие высокий образовательный уровень (высшее и неоконченное высшее образование)². Среди «экспертов риска» около 6% — специалисты с учеными степенями кандидатов наук.

Методологически в основу социологического анализа изменений в жизни городского населения под влиянием финансово-экономических кризисов положены две ведущие парадигмы:

1) *парадигма конфликтогенеза* как стадийного процесса развития социального конфликта в конкретной сфере деятельности и вызванных им последствий.

2) *парадигма модусов социального времени*, отражающая эволюцию развития финансово-экономических кризисов и изменение положения населения в социальных координатах неопределенности и вероятности возникновения социальных рисков.

Что касается парадигмы конфликтогенеза, то следует отметить ряд позиций:

Конфликтогенез — это процесс возникновения, развития и разрешения конфликта, эволюции конфликтной ситуации на всех стадиях ее протекания [6, с. 27]. При этом финансовые кризисы рассматриваются как социальный процесс, сопровождаемый конфликтом интересов и возникновением социальных рисков.

В социальном смысле кризис отражает периодически возникающее состояние общества, когда критически пересматриваются теоретико-методологические и мировоззренческие основы развития

общественной системы, идейно-нравственные ценности личности. С экономической точки зрения кризис, это «фаза экономического цикла, характеризующаяся спадом производства и капиталовложений, ростом безработицы, отставанием спроса от потенциального предложения, значительной недогрузкой предприятий» [7, с. 372]. Под финансовым кризисом в экономике понимается существенная дестабилизация одного или группы сегментов финансового рынка, происходящая за незначительный (кратковременный) промежуток времени [8].

Связь между финансовым и финансово-экономическим кризисом органическая, так как отражает последовательные фазы генезиса кризиса. На первой фазе развития финансовый кризис затрагивает прежде всего деятельность финансовых институтов и относится к классу сферных кризисов, т.е. кризисов конкретной сферы экономической деятельности (финансово-банковской). Ядром кризиса, с позиций социологического подхода, являются проблемы и противоречия в сфере финансовой деятельности и денежно-валютного обращения.

Однако через определенное время, когда последствия сферного кризиса начинают все негативнее отражаться на функционировании других, связанных с очагом кризиса отраслях и сферах экономики (промышленной, аграрной, социальной, образовательной и т.д.), в конечном итоге на материальном и социальном положении населения, кризис переходит в фазу системного кризиса и определяется как «кризис финансово-экономический».

Эта фаза кризиса неизбежно сталкивает социальные интересы большинства участников рынка и перерастает в различные формы социальных конфликтов. Таким образом, между категориями «кризис финансовый» и «кризис финансово-экономический» существует тесная взаимосвязь. В развитии социального конфликта финансовый кризис выступает в качестве мощного конфликтогенного фактора.

Несмотря на то, что кризисы 1998 г., а также 2008–2009 гг. для России остались позади, их потери и разочарования, приобретенный в них опыт, оставили глубокий след в сознании россиян. Социальные риски, ранее не учитываемые людьми и казавшиеся далекой теоретической материей, оказались на практике сильнее кризисной неопытности. Финансово-экономические кризисы со всей убедительностью показали, что учитывать и рассчитывать надо не только экономические и финансовые, банковские и кредитные, но и социальные риски — наиболее сложные, трудно поддающиеся расчету, но оказывающие долгосрочное влияние и несущие большие

² Силласте Г.Г. Отчет по теме «Социальные риски финансово-экономических кризисов в российском обществе». М., 2013. С. 74–75.

социальные издержки для личности, общества и государства, в целом.

Социальные риски финансово-экономических кризисов связаны с развитием человеческого капитала. Связь эта непосредственная и многомерная. Теория человеческого капитала (human capital theory) представляет собой теорию образования, в которой обучение индивидов рассматривается как инвестирование в будущее общества [9, с. 495–496]. Эта теория исследует пути наращивания потенциала личности в процессе ее обучения, плоды которого общество сможет в будущем преобразовать в развитие технологического прогресса.

Социальные и экономические изменения, обусловленные финансово-экономическими кризисами, оказывают непосредственное воздействие как на процесс формирования человеческого капитала, так и на его качество, ибо они связаны с трансформацией социальных секторов экономики (образования, науки, здравоохранения, культуры) и с социальной политикой государства. Требования же к качеству человеческого капитала в условиях старения населения и мобильного развития рынка труда, занятости и профессий существенно возрастают.

Вместе с тем финансово-экономический кризис по масштабам своих последствий является многомерным процессом, затрагивающим социальные интересы очень больших социальных групп и общностей, и оказывающим влияние на динамику их развития, на социально-экономические процессы.

Анализ в модусах социального времени прошлого — раскрывает степень социальной адаптации населения к последствиям пережитых экономических кризисов в условиях транзитивной экономики (с 1990 г.) по этапам ее кризисного развития, накопления социального опыта жизни в кризисных условиях и аккумуляции социальных рисков;

- **настоящего** — связанного с оценкой нынешней ситуации в стране и в российской экономике, спустя три года после мирового кризиса, но насыщенной новой политической ситуацией межстранового консолидированного конфликта, обусловленного экономическими санкциями против одной страны. Это конфликт качественно иного содержания и принципиально иных целей.

Его особенность состоит в политически провокационном характере, в блоковой форме солидарности стран Европейского союза против конкретно одной страны — России; жестко выраженной политической цели — блокировать экономическое развитие России посредством консолидированного ограничения ее доступа к финансовым, производственным, инно-

вационным, технологическим ресурсам мирового обмена и паритетного развития национальных экономик на общемировом рынке.

Модус настоящего времени, обусловленный принципиально новыми условиями реального социального времени, усилил транзитивность в развитии общества, потребовал смены модели развития российской экономики с *догоняющей* на *мобилизационную*.

В таких условиях усиливаются все виды рисков, учитывая их рассеивание по сферам аккумуляции: финансовые, технологические, кредитные и другие. Но все эти риски обладают количественными характеристиками их последствий и поддаются математическим расчетам.

Сложнее ситуация с рисками социальными, субъективными по своей природе и не поддающимися статистическим расчетам. Этот вид рисков значительнее, многообразнее, сложнее по траектории своего действия и проявления, обладает более длительным периодом скрытого действия, концентрации до той критической массы напряжения, которая перерастает в явную угрозу жизненно важным интересам населения, социально-ролевых групп рынка (производителей, потребителей, сберегателей, заемщиков, кредиторов и т.д.). При этом внутренние и внешние угрозы концентрируются как в области реализации внутренней российской экономической политики, так и в области социальной безопасности общества, аккумулирующих вероятность возникновения новых социальных рисков.

- **модус будущего времени измеряется** социальными ожиданиями населения вероятностных изменений экономической ситуации; степени готовности населения к вероятности ухудшения ситуации в будущем (ближнем или отдаленном), в выборе моделей экономического поведения на социальной дистанции от посткризисного к «новокризисному» состоянию общества; а также посредством оценок общественного мнения относительно влияния государства и его властных социальных институтов на оказание помощи нуждающимся слоям населения, оценки применяемых форм (направлений) возможной минимизации социальных рисков посредством управления этим процессом и результатами реализации социальных обязательств государства перед населением.

Сюжет 3. В модусе прошлого времени: тревожные ожидания нового кризиса

В 2013 г. среди большинства россиян преобладали негативные ожидания на ближайшие два года (73,6%

респондентов против 26% позитивно ориентированных). Люди опасались, прежде всего, нового финансово-экономического кризиса. Каждый второй считал, что такой кризис «не только возможен, но и неизбежен», а часть была уверена, что в России еще и «прошлый-то кризис не закончился». С другой стороны, треть респондентов не склонна была преувеличивать социальный риск нового кризиса. Однако и убежденных оптимистов, уверенных в том, что «кризиса не будет», было не более 5%.

Опасения населения оказались небеспопеченными. Особенно они усугублялись в период угрозы дефолта в США, когда эксперты предупреждали: «Россиянам стоит подготовиться к тому, что курс рубля к доллару может укрепиться, а доходность вложений в ПИФы, акции и вклады начнет колебаться в разных направлениях»³. Как заявлял в своем интервью президент Центра стратегических коммуникаций Д. Абзалов, «На самом деле, из прошлого кризиса ни одна страна так и не выходила. Россия находится сейчас на его понижательной волне. Так что в этом плане мы полностью в мировом тренде, в тех же США эта волна едет уже шесть лет. Но мы из нее все-таки немного выбиваемся. Дело в том, что основным показателем кризисных явлений в экономике становится занятость. Уже в текущем полугодии уровень безработицы у нас будет прилично нарастать»⁴.

Неоднократные кризисные ситуации транзитивной экономики приучили россиян «жить без оглядки» на возможные очередные потери и риски. Тем более, что в условиях неопределенности эти риски никто не берется прогнозировать или предсказывать. Поэтому две модели поведения в условиях неопределенности выбираются россиянами как наиболее приемлемые.

Одна — «инертная» («никак не готовиться, а просто жить»). Это была модель жизни преобладающего большинства городского населения (62.4%). И при этом 60% респондентов считали, что они «ничем не рискуют». Другая — **накопительная** («откладывать на черный день»), что в России исторически является бытовой традицией. Одновременно, если имеются возможность и потребность, то вкладывать в недвижимость (что и делало около 14% горожан). При этом 40% городского населения осознавало, что в случае очередного финансово-экономического кризиса они «чем-то, но рискуют».

Наиболее острое осознание социальных рисков отмечалось среди работников предприятий, находящихся под угрозой банкротства (12,1%). Причем, значительная группа респондентов (почти 36%) не знали и не понимали, находится ли их предприятие (организация) под угрозой банкротства или нет. Но независимо от степени трудовой занятости, респонденты активно высказывали свое мнение, относительно социальных рисков, возникающих при угрозе банкротства.

Главный среди них — риск безработицы, сопряженный с рисками бедности, неоплаты кредита, потери профессии и риском индивидуальной ненужности. Риск индивидуальной ненужности можно считать пограничным социальным риском, так как при его длительном сохранении личность может потерять волю к жизни. И тогда социальный риск эконоцида (влекущий самоубийства) становится прямой угрозой жизни личности [10, 11].

Сюжет 4. Распространенность социальных рисков в социологическом измерении

О чем свидетельствуют результаты социологической диагностики?

1) В соответствии с разработанной авторской типологией социальных рисков, выявлена и измерена степень распространенности в обществе 16 видов социальных рисков финансово-экономических кризисов (табл. 1).

Таблица 1

Шкала распространенности в обществе социальных рисков финансово-экономических кризисов (в % опрошенных)

№	Риски	в % опрошенных
1	Риск невротизации	84,0
2	Риск безработицы	68,4
3	Риск насилия и потери безопасности	48,0
4	Риск жертвы кризиса	48,1
5	Риск потери доверия	46,0
6	Риск бедности	43,7
7	Риск неоплаты кредита	30,8
8	Риск потери профессии	30,8
9	Риск индивидуальной ненужности	21,0
10	Риск переквалификации	16,5
11	Риск одиночества	13,9

³ Новиков М., Фомченков Т. Грозит ли Америке дефолт // Российская газета. 2013. 27 сентября.

⁴ Маркелов Р. Кого уволят первым // Российская газета. 2013. 7 ноября.

12	Риск банкротства	12,1
13	Риск дисквалификации	10,4
14	Риск эконоцида (самоубийства)	7,3
15	Риск маргинализации	7,1
16	Риск люмпенизации	6,3

Прокомментирую некоторые из них. Самым распространенным в условиях кризисов является социальный риск невротизации. Он обусловлен состоянием неопределенности, тревожности, снижения уровня социального оптимизма среди населения.

Уровень социального оптимизма оказывает сильное воздействие на человека, поддерживая в нем веру в людей, в себя и в собственные силы; веру в экономическую состоятельность и политическую независимость страны. Измерение уровня социального оптимизма населения позволяет судить о степени рисковости ситуации, вероятности социальной адаптации к ней социальных групп и слоев населения, смены поведенческих установок у населения, ставшего жертвами кризиса.

По критерию социального оптимизма в сложившейся ситуации россияне условно делятся на четыре сегмента. Первый сегмент (жертвы кризиса) образуют те, кто считает, что сложившаяся ситуация неопределенности не позволяет им строить планы на будущее (50,1%). Второй сегмент (почти 24%) – респонденты, испытывающие чувство тревоги и охваченные негативными ожиданиями. Третий сегмент объединяет горожан, сохраняющих социальное спокойствие и уверенность (14,3%). Представители этого сегмента считают, что живут в ситуации «стабильной, позволяющей оптимистично смотреть в будущее». В четвертом сегменте 10% городского населения, состояние которых характеризуется напряженностью, вызывающей недовольство и протестные настроения.

Таким образом, даже спустя три года после мирового финансово-экономического кризиса, абсолютное большинство россиян не покидало чувство неопределенности, высокой тревожности, ощущение незавершенности кризиса, а потому не покидающей напряженности, объясняющейся ожиданием вероятности наступления нового неблагоприятного последствия. Такое состояние характеризуется социальным риском невротизации.

Как показало развитие ситуации в 2014 г., связанное с введением Евросоюзом санкционного режима

против России, социально-психологическая тревожность состояния россиян была оправданной. Более того, не будет преувеличением сказать, что на начальном этапе агрессивного консолидированного давления западной коалиции на Россию сыграло роль «социальной подушки», своего рода социально-психологического амортизатора этого давления на население. Вместо ожидаемых Западом растерянности, протестов социального недовольства и разочарования, российское общество ответило спокойной консолидацией и готовностью «затянуть пояса». Социальный риск невротизации сохраняется, но не приобрел деструкции в своем массовом проявлении.

Одно из объяснений социальной уравновешенности общества в новых кризисно-блокадных условиях кроется в достигнутом Россией к 2014 г. уровне внутренней стабилизации, окрепшей социальной уверенности и поднакопленных материальных ресурсах. Оценивая общую ситуацию в развитии экономики страны за 2010–2013 гг., большинство россиян (57,9%) признавали, что «хотя это были сложные годы, но в целом для страны успешные». Для каждого четвертого – «годы потерь и разочарований».

Вместе с тем, с позиций социологического подхода к анализу социальных процессов следует отметить, что социальный риск невротизации, вызванный негативными последствиями мирового финансового, а затем санкционного кризиса тесно взаимосвязан с риском эконоцида. Эта угроза требует особого внимания местных институтов власти к социально-психологической адаптации тех слоев населения и отдельных россиян, которые несут особые материальные, профессиональные, моральные и социально-психологические потери в ходе кризисных ситуаций в обществе. Сохранение ситуации неопределенности говорит о том, что общество еще не смогло преодолеть негативные последствия спровоцированного антироссийского кризиса, а потому может репродуцировать социальные риски.

Как свидетельствуют результаты исследования, самое уязвимое место в динамике социального оптимизма – это уверенность в будущем своих детей. У 58,3% респондентов за последние годы она ослабла (38%) или ее «как не было, так и нет» (у 20% респондентов). На втором месте – ослабление уверенности в будущем страны. Сильно снизилась вера в людей. Если у 8% респондентов она окрепла, то ослабла у 35,5% участников опроса. Еще у 10% ее «как не было, так и нет».

С другой стороны, имеется позитивная динамика укрепления уверенности в своем будущем. Симпто-

матично, что тактика «опоры на собственные силы» стала в российском обществе наиболее распространенной. Среди россиян наиболее прочной остается «вера в себя», которая у 56% респондентов за последние годы не снизилась, а, напротив, в 30,7% случаев — только окрепла.

Наиболее распространенными точками зрения позитивно оценивающих результаты финансово-экономических кризисов являются: «кризисы учат полагаться только на себя», «кризисы закаляли людей, их выдержку и терпение»; «сформировали надежду только на себя и семью»; «появилось умение и стремление населения выживать в любых условиях». Позиции отражают большую разницу в социально-психологических реакциях населения на кризисные условия жизни (1998 и 2008 гг.). Общий эмоционально-оптимистический вывод от пережитых потрясений: «в кризисах «Россия выстояла и продолжает развиваться».

Социальные риски потери работы, безработицы и неоплаты кредита.

Эти социальные риски продолжают оставаться довольно высокими и широко распространенными среди населения. Социальные риски потери работы и безработицы наиболее распространены среди семейных россиян. Возникновение финансовых потерь на вкладах болезненно ощущается теми, кто не состоит в браке и реже — семейными респондентами. Это объясняется тем, что в России сбережения на вкладах большинства населения — минимальные. А «нет сбережений, — нечего и терять».

Лица, имеющие высшее образование, чаще других сталкиваются с финансовыми потерями на вкладах, длительными поисками новой работы после ее потери и безработицей. Добавляются сюда и проблемы с оплатой образования подростков детей. Например, выпускники магистратуры значительно чаще, чем в среднем по массиву, несут финансовые убытки на вкладах, теряют возможность оплачивать ипотеку и иные обязательства по ранее взятым займам, испытывают сложности с оплатой обучения детей.

Социальный риск доверия в кризисных условиях развития общества.

Под влиянием экономических кризисов, снижение **социального риска доверия населения к кампаниям** произошло только в отношении фирм с иностранным капиталом. Сегодня им доверяют 49–45% респондентов. Напротив, усилился социальный **риск доверия к крупным предпринимателям и профсоюзам**. В итоге, к настоящему времени устойчиво отрицательное отношение отмеченным к субъектам социальных

рисков сохраняет каждый второй респондент. У 45% респондентов «как не было доверия к ним, так и нет».

Социальный риск доверия к банкам остается довольно высоким, а потому реальный уровень нынешнего доверия банкам низкий.

Социальный **риск доверия СМИ** довольно высокий, и в результате средства массовой информации стабильно не доверяет каждый третий российский горожанин. Среди 30,3% респондентов доверие к СМИ за последние годы снизилось. Но среди 30,4% населения отмечается довольно устойчивый уровень доверия к прессе и телевидению.

Усилился **социальный риск доверия к политическим партиям и движениям, средствам массовой информации и работодателям** (среди 30–28% респондентов). Меньше других потеряли в доверии крупные предприниматели, ибо доверие к ним в России и без того устойчиво очень слабое.

Все социальные риски отражают вероятность наступления возможного негативного события, которое связано с различного рода потерями для личности, социальной организации, группы или конкретного социального института. Образно говоря, социальный риск «сигнализирует» о возможной угрозе для социальных интересов личности, ее самореализации, жизнедеятельности и адаптации к условиям неопределенности, всегда сопровождающей транзитивную экономику как кризисную.

Таким образом, социальные риски непосредственно связаны с угрозами и формами социальной адаптации к жизни в условиях неопределенности и вероятности перерастания социальных рисков в реальные угрозы безопасности личности или социальных групп и общностей.

По мнению городского населения важную, если не основную роль в минимизации социальных рисков и угроз, в защите объектов социальных рисков и упреждении потенциального финансового кризиса должны играть государственные органы, в значительно меньшей мере общественные организации, в частности, профсоюзы. Если обратиться к результатам социологического измерения, то общественное мнение в этом вопросе сдержанно-критическое и отражает позиции четырех несовпадающих по своим оценкам групп (табл. 2).

Доминирующей является позиция группы «критикующих оптимистов».

Помимо властных институтов в гражданском обществе развиваются и неправительственные (общественные) союзы и организации, социальной функцией которых является оказание социальной

Таблица 2

Оценка деятельности субъектов социального риска в лице органов власти и их участия в минимизации социальных рисков потенциального кризиса (в % опрошенных)

Критически настроенные пессимисты	«Власти ничего не делают для рядовых граждан»	25,4
Лояльные оптимисты	«Власти делали все, что могли»	5,7
Критикующие оптимисты	«Власти делают, но далеко не все из того, что могут и должны»	40,9
	«Делается все, но для крупных собственников»	14,7
Колеблющиеся		13,4

поддержки нуждающимся. Традиционно важное место в этой работе занимают профсоюзы. Как оцениваются их возможности в минимизации социальных рисков финансово-экономических кризисов и социальной защите интересов трудящихся? (табл. 3.)

Почти половина респондентов считают возможности профсоюзов в минимизации социальных рисков финансово-экономических кризисов очень ограниченными, либо даже реально отсутствующими. Именно поэтому каждый третий городской житель плохо понимает возможную роль профсоюзов в минимизации социальных рисков, порождаемых финансово-экономическими кризисами. По оценкам большинства респондентов, это, в первую очередь, задача государства, государственных органов власти, а не профсоюза.

Однако две трети респондентов высказали свои предложения по расширению возможного участия профсоюзов в минимизации социальных рисков кризисов. Хотя, если строго оценивать тексты суждений, то они больше относятся к направлениям возможного улучшения деятельности самих профсоюзов, чем конкретно их влиянию на минимизацию социальных рисков.

Наиболее распространенной (практически среди каждого второго) точкой зрения на защиту от кризисов в современном российском обществе является следующая: «Никакие меры не нужны; каждый должен находить выход из положения сам».

Более многочисленная группа россиян (54,2%), не согласная с такой позицией, высказала различные предложения, способные, по ее мнению, нейтрализовать и даже улучшить посткризисную ситуацию, минимизировать социальные риски возможного очередного кризиса и внести в нее определенность. Основной лейтмотив их предложений – пожелание органам власти «Больше заниматься социальной политикой», так как, по мнению каждого второго, «связь между ними прямая и сильная».

Как неоднократно свидетельствовала российская и международная практика, чем глубже финансово-экономический кризис, тем слабее становится социальная политика, тем интенсивнее социальные риски и сильнее угрозы социальной безопасности личности. Как отметил президент РФ, в таких условиях «подушкой безопасности» для российской экономики, социальной сферы и всей финансовой системы» служит Фонд Национального благосостояния (ФНБ).

Для расчета социальных рисков разработана карта рисков, позволяющая конкретизировать полученные при социологической диагностике данные и представить их в концентрированном виде с выделением иерархии распространенности в регионе всех видов измеряемых социальных рисков. Это полезный инструмент в практике деятельности субъектов социального риска особенно в сферах, связанных с формированием человеческого капитала (образования, здравоохранения, социального развития и др.).

Таблица 3

Оценки возможностей профсоюзов в минимизации социальных рисков финансовых кризисов (в % опрошенных)

Возможности очень малые и слабо используются	24,2
Практически у профсоюзов нет реальных возможностей	22,5
Возможности большие, вопрос как они используются	17,6
Затрудняюсь ответить, к их помощи не обращаюсь	35,6

И последнее: о формировании рискологического сознания, способности принимать обоснованные решения в условиях риска. Этому может способствовать внедрение в учебно-образовательный процесс дисциплины «Социальная рискология» или «Социология рисков». Так, курс «Социология рисков», разработанный автором на базе реализованного по Госзаданию проекта, прошел апробацию и внедрен в систему социологического образования студентов бакалавриата факультета «Социологии и политологии» Финансового Университета как шаг к развитию рискологического образования будущих социологов.

Выводы:

1. Российское общество в начале XXI столетия сформировалось как общество с транзитивной экономикой, отличающееся: 1) высокой степенью изменчивости социальных процессов и явлений, усиливающейся под влиянием финансово-экономических кризисов; 2) повышенным уровнем «рисковости» общества, «накоплением» в нем социальных рискообразующих и конфликтогенных факторов, обуславливающих ситуацию неопределенности и ее «расползание» в обществе; 3) обострением конфликтогенной функции денег и института финансов, монетизирующих конфликты социальных интересов и поведений разных социально-ролевых групп, вовлекаемых к этим конфликты. Все это приводит к аккумуляции в обществе рисков не только экономического, финансового, технологического или промышленного характера, но и рисков социальных, являющихся наиболее устойчивыми, трудно поддающимися расчету и наименее изученными.

2. Социальные риски связаны с последствиями кризисов и конфликтов, затрагивают области социального воспроизводства общественной жизни, мировоззренческие и морально-этические аспекты, меры социальной защиты и управление рисками. Характерными особенностями социальных рисков являются их «рукотворный» характер, связь с ситуациями неопределенности и вероятности возникновения новых рисков, угрожающих жизненно важным социальным интересам личности и общества.

3. Результаты социологической диагностики позволяют оценить социальные последствия финансово-экономических кризисов, пережитых населением с начала 1990-х гг., виды и распространенность порождаемых ими социальных рисков. Социально наиболее чувствительной к негативным последствиям кризисов для абсолютного большинства респондентов остается сфера трудовых отношений и экономической деятельности.

4. Основную роль в минимизации рисков и угроз, по мнению абсолютного большинства городского населения, должны играть государственные органы, в значительно меньшей мере — общественные организации, в частности, профсоюзы. Основным лейтмотив предложений в адрес органов власти: «Больше заниматься социальной политикой», создавать «подушку безопасности» для российской экономики и укрепления социальной сферы.

5. Для расчета социальных рисков может применяться карта рисков, позволяющая региональным органам власти в режиме мониторинга отслеживать интенсивность распространенности социальных рисков, конкретизировать эмпирические данные и использовать их в управленческой практике минимизации и прогнозирования социальных рисков в регионах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс; [пер. с англ. М.Л. Коробочкина]. — М.: Весь мир, 2004. — 116 с.
2. Силласте Г.Г. Социальная сущность денег: (социол. анализ) / Галина Силласте; Финансовая акад. при Правительстве РФ, Каф. социологии. — М.: ФА, 2002. — 53 с.: диагр.
3. Луман Н. Понятие риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1994. — № 5. — С. 135–160.
4. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; Общ. ред. и послесл. А. Филиппова — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с.
5. Силласте Г.Г. Экономическая социология. — М.: Альфа-М-Инфра, 2012. — 480 с.
6. Силласте Г.Г. Социальные конфликты в финансово-банковской сфере и их последствия / Г.Г. Силласте; Финансовая акад. при Правительстве РФ, Каф. «Социология», в 2 частях. — М.: ФА, 2004. — 166 с.
7. Мельников С.М. Новая экономика. Основы экономических знаний. — М.: Международные отношения, 1999 — 400 с.
8. Попов В.В., Монтес М.Ф. «Азиатский вирус» или «голландская болезнь»? Теория и история валютных кризисов в России и других странах: Пер. с англ. / М.Ф. Монтес, В.В. Попов. — М.: Дело, 1999. — 135 с.

9. Лоусон Т., Гэррод Д. Социология от А до Я / Пер с англ. К.С. Ткаченко. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. — 626 с.
10. Силласте Г.Г. Экономид как социальный феномен мирового финансового кризиса // Гуманитарные науки — 2011. — № 11.
11. Силласте Г.Г. Экономид — социальное последствие мирового финансового кризиса // Мониторинг общественного мнения. — 2011. — № 2 (102).

REFERENCES

1. Giddens A. *Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn'* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow, Ves' mir Publ., 2004. 116 p.
2. Sillaste G.G. *Social'naja sushhnost' deneg* [The social nature of money:]. Moscow, FA Publ., 2002. 53 p.
3. Luhmann N. *Ponjatie riska* [The concept of risk]. Thesis, 1994, I. 5.
4. Beck U. *Chto takoe globalizacija? Oshibki globalizma — otvety na globalizaciju* [What Is Globalization?]. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 2001. 304 p.
5. Sillaste G.G. *Ekonomicheskaja sociologija* [Economic Sociology]. Moscow, Al'fa-M-Infra Publ., 2012. 480 p.
6. Sillaste G.G. *Social'nye konflikty v finansovo-bankovskoj sfere i ih* [Social conflicts in the financial and banking sector and their implications]. Moscow, FA Publ., 2004. 166 p.
7. Mel'nikov S.M. *Novaja jekonomika. Osnovy jekonomicheskikh znanij* [New Economy. Bases of economic knowledge]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1999. 400 p.
8. Popov V.V., Montes M.F. «Aziatskij virus» ili «gollandskaja bolezнь»? Teorija i istorija valjutnyh krizisov v Rossii i drugih stranah [«The Asian virus» or «Dutch disease»? Theory and history of currency crises in Russia and other countries]. Moscow, Delo Publ., 1999. 135 p.
9. Louson T., Gjerrod D. *Sociologija ot A do Ja* [Sociology from A to Z]. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 2000. 626 p.
10. Sillaste G.G. Экономид как социальный феномен мирового финансового кризиса [Ekonotsid as a social phenomenon of the global financial crisis]. *Gumanitarnye nauki*. 2011, I. 11.
11. Sillaste G.G. Экономид — социальное последствие мирового финансового кризиса [Ekonotsid — social consequence of the global financial crisis]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija*. March-April 2011, I. 2 (102).